К. Я. Гротъ.

КЪ БІОГРАФІИ И. И. ДМИТРІЕВА.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА И ЗАМѢТКИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КО ВРЕМЕНИ ЕГО КОНЧИНЫ (3 окт. 1837 г.).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1902.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
1902 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
раторской Академіи Наукъ, т. VI (1901 г.), кн. 4-я, стран. 228—268.

Къ біографіи И. И. Дмитріева.

Неизданныя письма и замѣтки, относящіяся ко времени его кончины (3 окт. 1837 г.).

1837-й годъ былъ тяжелымъ, скорбнымъ годомъ въ судьбахъ русской литературы. Онъ отмѣченъ не одною только преждевременною гибелью величайшаго русскаго поэта. Вспомнимъ, что вскорѣ за Пушкинымъ сошелъ въ могилу знаменитый русскій духовный писатель и ученый, митрополитъ Евгеній († 23 февр.), въ іюнѣ (7-го) палъ въ войнѣ съ горцами на Кавказѣ даровитый и столь популярный въ свое время беллетристъ Марлинскій (А. А. Бестужевъ-Рюминъ), а осенью того же года кончилъ свое долгое высокодостойное и многополезное жизненное поприще славный и симпатичный русскій писатель-сатирикъ, реформаторъ нашей поэтической рѣчи, другъ и сподвижникъ Державина, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, кн. Вяземскаго и Пушкина, благороднѣйшій русскій человѣкъ и просвѣщеннѣйшій сановникъ И. И. Дмитріевъ.

Дмитріевъ умеръ въ Москвѣ на 78 году жизни 3-го октября 1837 г. послѣ краткой болѣзни, происшедшей отъ неосторожности въ діэтѣ и отъ простуды, схваченной въ холодную осень при любимомъ его занятіи — посадкѣ деревьевъ въ своемъ саду.

О кончинѣ его мы имѣли до сихъ поръ единственное подробное извѣстіе изъ-подъ пера М. П. Погодина, отмѣтившаго кое-

какія о ней подробности въ своемъ Дневникѣ, а главное — описавшаго обстоятельно горестное событіе это въ двухъ письмахъ (отъ 13-го и 19-го окт.) къ племяннику Ивана Ивановича, М. А. Дмитріеву въ Симбирскъ, гдѣ послѣдній «лежалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ больной, безногій»[1]). Письма эти напечатаны были въ воспоминаніяхъ М. А. («Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 96—100, 2-ое изд. 153—158), а затѣмъ въ приложеніи къ изданнымъ имъ въ 1866 г. Запискамъ И. И. Дмитріева[2]). На основаніи ихъ и Дневника Погодина разсказъ о послѣднихъ дняхъ И. И. воспроизведенъ и Н. П. Барсуковымъ въ его замѣчательномъ трудѣ[3]).

Нынѣ я имѣю возможность нѣсколько пополнить этотъ разсказъ изданіемъ маленькаго собранія бумагъ, относящихся именно къ послѣднимъ днямъ жизни поэта и дающимъ нѣкоторый дополнительный матеріалъ къ его біографіи и характеристикѣ. А предметы эти, по правдѣ сказать, заслуживали бы бо́льшаго вниманія, чѣмъ имъ удѣлено было донынѣ. Важное значеніе и выдающаяся роль Дмитріева въ исторіи нашей литературы давно достаточно уже выяснены и оцѣнены. Между тѣмъ цѣльной, сколько-нибудь обстоятельной біографіи его мы не имѣемъ. Критическія статьи и воспоминанія о немъ его младшихъ современниковъ, особенно князя П. А. Вяземскаго и М. А. Дмитріева, при всей своей цѣнности, не могутъ замѣнить жизнеописанія. Правда, отсутствіе таковаго значительно возмѣщается интереснѣйшимъ трудомъ самого поэта: его автобіографіей или Записками («Взглядъ на мою жизнь»), которыя и были главною причиною того, что никто изъ литераторовъ-друзей его или близко его знавшихъ не предпринялъ написать его подробную біографію. Но дѣло въ томъ, что эти Записки доведены лишь до 1820 года, такъ-же, какъ и «Извѣстіе о жизни и стихотворе-

1) Мелочи изъ запаса моей памяти, Мих. Дмитріева, Москва, 1854, стр. 91, 2-е изд. 1869, стр. 151.

2) Взглядъ на мою жизнь, М. 1866, стр. 301—306.

3) Жизнь и Труды Погодина, кн. V, стр. 117—124.

ніяхъ. Ив. Ив. Дмитріева», князя П. А. Вяземскаго обнимаетъ приблизительно тотъ-же періодъ, бывъ написано для вышедшаго въ 1823 году новаго изданія сочиненій Дмитріева[1]). Такимъ образомъ послѣдніе 15—17 лѣтъ жизни его остаются совсѣмъ не описанными. Между тѣмъ, покинувъ службу[2]) и поселясь въ Москвѣ съ 1814 г., онъ, хоть и не возвращался болѣе къ поэтической дѣятельности, оставивъ ее уже давно, продолжалъ однакожъ, какъ заслуженный ветеранъ и крупный авторитетъ въ литературѣ и другъ первыхъ свѣтилъ ея, быть живымъ центромъ, около котораго группировались и прежнія лучшія литературныя силы и новые, начинающіе таланты. «Онъ былъ еще между нами,— пишетъ о немъ П. А. Плетневъ по поводу его смерти,—живой памятникъ прекраснаго вѣка, съ котораго мы начинаемъ новую нашу литературу. Въ его присутствіи была потребность сердечная, подобная той, какую чувствуютъ дѣти въ долголѣтіи родителей. Не охладѣвъ душою до конца жизни своей къ умственнымъ занятіямъ, которыя озарили славою лучшіе годы его, онъ былъ совѣтникомъ, другомъ и судіею нашимъ въ литературѣ». «Каждый изъ современныхъ намъ писателей,—читаемъ мы дальше,—говоритъ съ любовью, что Дмитріевъ былъ первымъ его учителемъ... При каждомъ необыкновенномъ явленіи въ словесности, мы обращались къ наставнику своему въ воспоминаніе тѣхъ уроковъ, за которыми выросли. Домъ его, для писателей, пріѣзжавшихъ въ Москву, былъ первымъ мѣстомъ посѣщенія. Что-то родственное отзывалось въ сердцѣ при вступленіи въ это жилище. Мысли, сверкавшія въ разговорахъ его, уносили насъ къ лучшему времени литературной жизни. Какъ семейнаго праздника ожидали мы пріѣздовъ его въ Петербургъ. Около него толпилось все, что̀ чувствуетъ цѣну таланта. Онъ являлся какъ-бы патріархомъ воспитаннаго имъ многочисленнаго семейства. Къ этимъ движеніямъ благодарности

1) Позднѣйшая *«Приписка»* Вяземскаго къ этой статьѣ, относящаяся къ 1876 г., не заключаетъ въ себѣ новыхъ біографическихъ данныхъ (Полное Собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I, стр. 153—166).

2) Былъ министромъ юстиціи съ 1810 по 1814 годъ.

и вѣрованья присоединялось еще одно обстоятельство, по которому жизнь его въ послѣдніе годы была для насъ столь драгоцѣнна. Сошедъ съ открытаго поприща литературы, Дмитріевъ въ кабинетѣ не покидалъ еще пера своего[1]), Онъ вносилъ въ Записки свои замѣчательныя черты русскаго ума и русской жизни, о которой, при наблюдательномъ духѣ и на такомъ выгодномъ протяженіи, онъ могъ сказать много и любопытнаго и наставительнаго, болѣе нежели кто-нибудь. Близкія къ нему особы знали цѣну этого уединеннаго и безкорыстнаго труда»[2]).

Несомнѣнно, Дмитріевъ продолжалъ оказывать самое благотворное, ободряющее вліяніе какъ на старыхъ друзей и сотрудниковъ своихъ, такъ и на младшее поколѣніе современниковъ, среди которыхъ онъ въ Москвѣ на склонѣ жизни пріобрѣлъ новыхъ сторонниковъ и почитателей, наконецъ на подростающую молодежь, съ которой сталкивала его московская жизнь и его рѣдкая доступность.

Понятно, что прослѣдить его литературныя отношенія и связи, поддерживаемыя съ отсутствующими друзьями оживленной перепиской, и его умственную душевную жизнь за этотъ послѣдній періодъ его земного пути было бы весьма интересно и поучительно. Матеріалъ для того имѣется уже порядочный — въ обнародованной до сихъ поръ перепискѣ Дмитріева съ Карамзинымъ и его семействомъ, А. И. Тургеневымъ, В. А. Жуковскимъ, кн. П. А. Вяземскимъ, А. С. Пушкинымъ и многими другими, въ письмахъ какъ его, такъ и къ нему. Еще недавно этотъ матеріалъ получилъ существенное обогащеніе въ изданномъ Н. П. Барсуковымъ собраніи «Писемъ И. И. Дмитріева къ кн. П. А. Вяземскому (1810—1836)», извлеченнаго изъ Остафьевскаго Архива[3]). Вообще можно пожелать, чтобы

1) Объ этомъ свидѣтельствуетъ, кромѣ «Записокъ» его имѣющееся въ нижепомѣщаемомъ письмѣ д-ра Іовскаго указаніе о переводѣ статьи изъ Мерсье. *К. Г.*

2) «О литературныхъ утратахъ». Сочиненія и переписка Плетнева, т. I, стр. 332—334.

3) Оттискъ изъ изд. «Старина и Новизна». Спб. 1898.

кто-нибудь изъ изслѣдователей нашей литературной старины занялся полнымъ критическимъ жизнеописаніемъ нашего знаменитаго писателя—пока еще дѣло не дошло до академическаго изданія его сочиненій [1]).

Печатаемыя ниже письма и замѣтки сохранились среди бумагъ моего отца въ особомъ конвертѣ, съ собственноручною его надписью: «*Письма И. И. Дмитріева къ Н. Я. Плюсковой, и бумаги, относящіяся къ его смерти и біографіи*», и помѣтой: *25 окт. 1868 г.* Откуда онъ получилъ ихъ — сказать теперь трудно; несомнѣнно лишь то, что первоначально онѣ находились въ рукахъ кн. П. А. Вяземскаго, который собралъ ихъ, имѣя быть можетъ въ виду — дѣйствительно заняться подробной біографіей Дмитріева, согласно желанію, которое послѣдній высказывалъ при жизни. Въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ нѣкоторыя изъ имѣющихся здѣсь писемъ къ самому кн. Вяземскому (именно Иванчина-Писарева), такъ и конверты, въ которые эти рукописи были вложены: на одномъ имѣется надпись: «Бумаги Писарева для Вяземскаго», къ которой приписано рукою самого князя Петра Андреевича: «*О Ив. Ив. Дмитріевѣ, 11-го маія 1838*»; на другомъ его-же рукой надписано: *Ив. Ив. Дмитріева.* Ясно, что ему не удалось исполнить своего намѣренія, а быть можетъ онъ, зная о предположенномъ изданіи Записокъ Ивана Ивановича и дожидаясь ихъ появленія, впослѣдствіи, отвлеченный другимъ, совсѣмъ оставилъ мысль о біографіи. Лишь въ 1866 г. (годъ изданія «Взгляда на мою жизнь») онъ набросалъ нѣсколько замѣтокъ и воспоминаній о личности нашего поэта [2]), которыя, при всей своей краткости и отрывочности, даютъ все-же не мало для его характеристики.

1) Первое по смерти поэта изданіе его Сочиненій (7-е, подъ ред. А. Флоридова) вышло спустя 56 лѣтъ, въ 1893 г. (Приложеніе къ журн. «Сѣверъ», и отдѣльно въ 1895)!

2) Полное Собраніе Сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 158—167. Дополненіемъ къ статьямъ Вяземскаго объ И. И. служитъ его прекрасное стихотвореніе «Домъ Ив. Ив. Дмитріева» (1860) съ яркимъ и выпуклымъ поэтическимъ портретомъ старца-поэта. См. Полн. Собр. Сочиненій кн. Вяземскаго, т. XI, стр. 350.

Почти всѣ нижепомѣщаемыя письма И. И. Дмитріева обращены къ извѣстной фрейлинѣ Натальѣ Яковлевнѣ Плюсковой, съ которой онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Н. Я. Плюскова, сообщаетъ Я. К. Гротъ, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, получила шифръ при выпускѣ оттуда. Это было при императорѣ Павлѣ, который и взялъ ее ко двору вмѣстѣ съ пятью шиферницами. Какъ умная и образованная дѣвица, она нашла доступъ въ общество первыхъ литераторовъ того времени, познакомясь съ Державинымъ, Дмитріевымъ, Карамзинымъ и друг. Въ домѣ Державина она была впослѣдствіи безсмѣнною посѣтительницею его *Бесѣды*. Справедлива или нѣтъ молва о ея чувствѣ къ И. И. Дмитріеву, достовѣрно, что онъ до конца своей жизни изрѣдка съ нею переписывался; но въ письмахъ ихъ, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, выражается *только взаимное уваженіе.* Иванъ Ивановичь былъ хорошъ собою, и этому онъ обязанъ многими слухами въ томъ же родѣ; не всѣ они имѣютъ основаніе[1]).

Печатаемыя ниже письма Ивана Ивановича къ Н. Я. и ея записочки по случаю его кончины, дышащія чувствами истинной дружбы и уваженія къ нему, вполнѣ подтверждаютъ сказанное только-что о характерѣ ихъ отношеній — на основаніи отзыва М. А. Дмитріева. Письмо И. И. къ кн. Вяземскому, писанное за три дня до смерти, которое мы ставимъ на первомъ мѣстѣ, есть отвѣтъ на послѣднее письмо князя П. А. отъ 22 сент. съ поздравленіемъ къ именинамъ Ивана Ивановича (26-го с.) и именинымъ подаркомъ[2]). Остальныя письма нашего собранія, по поводу кончины Дмитріева, всѣ обращены къ кн. П. А. Вяземскому, и тутъ самымъ замѣчательнымъ и интереснымъ является письмо къ нему В. А. Жуковскаго, отличающееся особенною задушев-

---

1) Плюскова, бывшая старшею фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны (послѣ смерти импер. Елизаветы Алексѣевны), умерла въ 1845-мъ году 23-го янв., въ С.-Петербургѣ. См. Сочиненія Державина, акад. изд., т. II, стр. 727; Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 585.

2) Русскій Архивъ, 1868, стр. 656.

ностью и теплотой чувства, вызванными въ немъ воспоминаніями о миломъ минувшемъ и о послѣднемъ свиданіи съ Дмитріевымъ. Но напечатаніе этого письма мы позволяемъ себѣ отложить до другого случая, имѣющагося въ виду [1]). Здѣсь не лишне будетъ припомнить обстоятельства послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Ивана Ивановича.

Лѣтомъ, въ концѣ іюня этого года И. И. отправился въ Прибалтійскія провинціи, въ Ригу и въ Ревель, а оттуда — въ Петербургъ, куда его всегда особенно тянуло. Къ Петербургу онъ до конца дней питалъ большую слабость. Еще въ 1834 году онъ писалъ Жуковскому: «люблю Москву, но право бы переѣхалъ на житье въ Петербургъ, если бы не связала меня здѣшняя осѣдлость. Тамъ бы я сталъ доживать съ тѣми, кои знали меня въ молодости и донынѣ не раззнакомились; тамъ и позднѣйшія мои связи, съ которыми я больше симпатизирую; тамъ для моего благоденствія, для услажденія немногихъ дней моихъ, достаточно было бы васъ, князя Вяземскаго..., Катерины Андреевны [3]), Наталіи Яковлевны [2]), и вдобавокъ къ тому полной свободы и раздолья въ ежедневныхъ прогулкахъ по миловидной столицѣ и ея окрестностямъ» [4]).

Упомянутая поѣздка оказалась послѣднею, прощальною съ Петербургомъ. Дмитріевъ какъ-будто предчувствовалъ это, когда писалъ въ записочкѣ къ кн. Вяземскому въ Петербургѣ 20 іюля: «. . . въ субботу Сарское Село увидитъ меня уже въ костюмѣ рыцаря плачевнаго образа, но только не съ лансомъ въ рукахъ, а съ мирною подорожною, можетъ быть, уже и послѣднею въ здѣшней юдоли. Несносный возрастъ! Не дастъ забыться ни на минуту» [5]).

---

1) Разумѣемъ изданіе Академическаго юбилейнаго сборника.

2) Карамзина, вдова исторіографа.

3) Плюскова.

4) Русск. Архивъ, 1870, стр. 1692.

5) Н. Барсуковъ. Письма И. И. Дмитріева къ кн. П. А. Вяземскому. Спб. 1898, стр. 83. О томъ, что И. И. повидимому предчувствовалъ свою скорую кончину, и мысль о смерти не разъ даже высказывалась имъ въ его бесѣдахъ

По возвращеніи въ Москву, Дмитріевъ къ большому удовольствію засталъ здѣсь еще В. А. Жуковскаго, возвращавшагося тогда съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ В. К. Александромъ Николаевичемъ изъ путешествія по восточной Россіи и Сибири, и на перепутьи остановившагося въ Москвѣ, куда на свиданіе съ Наслѣдникомъ пріѣзжала и императрица Александра Өеодоровна. По случаю этого радостнаго свиданія, а также въ честь самого Жуковскаго были празднества и пріемы, и Дмитріевъ еще успѣлъ принять и въ этомъ участіе. Кромѣ извѣстія объ этомъ въ новомъ письмѣ Жуковскаго, мы читаемъ о томъ-же въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго къ Дмитріеву отъ 12 авг.: «Имѣю честь поздравить В. Вп—во съ благополучнымъ возвращеніемъ во свояси, ибо я знаю, что вы благополучно, бодро и въ добрый часъ пріѣхали, застали еще московскія веселья, августѣйшихъ гостей, Жуковскаго, и поспѣли на высочайшую вечеринку, гдѣ были вы очень милостиво обласканы. Вы изволите видѣть, что тайная моя полиція бдительна и внимательна»[1]). Въ описаніи жизни М. П. Погодина мы почерпаемъ еще одно извѣстіе: что Погодинъ часто видѣлся съ Жуковскимъ въ этотъ его пріѣздъ: «Слушалъ его разсказы объ Арзамасѣ, смерти Пушкина, объ его молодости». Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ ужасно досадовалъ «изъ самолюбія», что ему не удалось вмѣстѣ съ И. И. Дмитріевымъ и Жуковскимъ побывать въ Англійскомъ клубѣ[2]). И. И. былъ, по свидѣтельству Жуковскаго, особенно къ нему нѣженъ въ это послѣднее кратковременное ихъ свиданіе. Отъ В. А. онъ услышалъ разсказъ о недавнемъ его посѣщеніи вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ родной деревни Дмитріева, с. Богородскаго, близъ Сызрани, что̀ не могло не утѣшить чрезвычайно и не «привести въ восторгъ» старика-поэта. Это было въ началѣ августа, такъ какъ 9-го Наслѣдникъ, а съ нимъ и Жуковскій уже уѣхали

того времени съ друзьями, мы имѣемъ еще свидѣтельство современника. См. статью Волкова «О послѣднихъ дняхъ жизни И. И. Дмитріева». Московск. Наблюдатель, 1837, ч. 13-я, стр. 232—237.

1) Русск. Архивъ 1868, стр. 655—6.

2) Н. П. Барсуковъ, «Ж. и Т. Погодина», т. V, стр. 8.

въ дальнѣйшій путь. А черезъ два мѣсяца Дмитріева не стало.

Свое впечатлѣніе отъ понесенной утраты Жуковскій и сообщаетъ кн. Вяземскому въ вышеупомянутомъ письмѣ, писанномъ изъ Москвы, 30-го октября, по возвращеніи съ юга Россіи вмѣстѣ съ высочайшими путешественниками.

Затѣмъ слѣдуетъ въ нашемъ собраніи рядъ писемъ разныхъ лицъ къ кн. Вяземскому по поводу кончины Дмитріева, заключающихъ въ себѣ главнымъ образомъ извѣстія и подробности о ней; но между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ письма Н. Д. Иванчина-Писарева — не только сами по себѣ, но и по приложеннымъ къ нимъ набросками характеристики Дмитріева, какъ человѣка, и нѣкотораго матеріала къ его біографіи на основаніи личныхъ воспоминаній Писарева. Послѣдній[1]), въ свое время не безъизвѣстный писатель, археологъ и любитель древностей и старины[2]), пламенный почитатель Карамзина, былъ такимъ же почитателемъ и И. И. Дмитріева и былъ близкимъ къ нему человѣкомъ и имъ очень любимымъ—до самой его смерти. Душевно озабоченный дѣломъ увѣковѣченья памяти скончавшагося корифея нашей словесности и сохраненіемъ для потомства возможно полныхъ свѣдѣній о его жизни, онъ взываетъ къ кн. П. А. Вяземскому, и уговариваетъ его заняться біографіей Дмитріева, ссылаясь на то, что ему де завѣщалъ это самъ покойный писатель... Мы уже выше говорили, что обстоятельства, а главное, вѣроятно,—изданіе Записокъ И. И. Дмитріева не дали осуществиться этой мечтѣ Писарева. Но сообщенныя имъ черты и воспоминанія, какъ исходящія отъ лица, близко знавшаго нашего поэта,—несомнѣнно имѣютъ цѣну и представляютъ значительный интересъ.

Любопытны также письма А. Я. Булгакова, кн. П. Шаликова, доктора А. Іовскаго, свидѣтеля послѣднихъ минутъ поэта,

1) Умеръ 55 лѣтъ въ 1849 г. въ Москвѣ.

2) Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Москвитянинъ», 1841—1489.—См. Н. П. Барсукова, Жизнь и Труды Погодина, кн. II—X.

и наконецъ показаніе камердинера Дмитріева—Николая—о его кончинѣ, записанное сыномъ управляющаго или повѣреннаго кн. Вяземскаго, безъ сомнѣнія—по его порученію.

Письма И. И. Дмитріева.

I. Къ кн. П. А. Вяземскому.

Отъ искренняго сердца благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за милое ваше письмо и имянинный гостинецъ[1]). Онъ укомплектуетъ мою коллекцію въ верхнемъ кабинетѣ. Хотѣлъ бы сказать въ моемъ *рабочемъ*, но увы! тамъ библіотекарь мой Николай жаритъ только для меня кофій.

Присланный отъ васъ экземпляръ Современника возвращаю вамъ съ этой же почтою. Не зная объ мѣстѣ вашей новой квартиры, я выставилъ одно только ваше имя, по примѣру, Персидскаго шаха: бургиверу въ Европѣ; и увѣренъ, что посылка дойдетъ до васъ. Съ нетерпѣніемъ буду ждать вашей книжки. Отъ Одоевскаго надѣюсь лучшаго выбора[2]). Чего бы я не могъ ожидать и отъ двухъ только редакторовъ, да жаль, что Таліони и Командиры много мѣшаютъ.

Долго я ничего не слыхалъ объ Тургеневѣ[3]). Вчера же догадка моя оправдалась: юбилей отпразднованъ и мы теперь можемъ чаще получать объ немъ извѣстія изъ Франціи.

---

1) Въ поясненіе этого приводимъ нѣсколько строкъ изъ письма кн. Вяземскаго, на которое отвѣтомъ является настоящее: «Позвольте поднести вамъ на этотъ день смиренный подарокъ и просить васъ отвести ему уголокъ на одной изъ стѣнъ вашего кабинета. Эти портреты взяты изъ большой картины (примѣч. ред. Р. Арх.: *«вѣроятно, живописца Чернецова»*), изображающей парадъ. Вы, вѣроятно, видѣли эту картину въ Эрмитажѣ». См. Русск. Арх. 1868, стр. 657. Здѣсь разумѣется извѣстный эскизъ Г. Г. Чернецова, изображающій Крылова, Пушкина, Жуковскаго и Гнѣдича, вѣроятно экз. литографіи Прево. *К. Г.*

2) См. послѣднее письмо Вяземскаго отъ 22 сент., Русск. Арх. 1868, стр. 658. *К. Г.*

3) См. тамъ-же. *К. Г.*

Что же сказать отъ и объ себѣ? Слава Богу, здоровъ и только.

Прошу васъ поклониться всѣмъ вашимъ и нашимъ. Прошу васъ освѣжать меня хотя изрѣдка вашими строками, и быть увѣреннымъ въ постоянной моей къ вамъ привязанности и душевномъ почтеніи. До свиданія.

Преданный вамъ на всегда
Ив. Дмитріевъ.

Москва
1837.
Сентября 30-го.

II. Къ Н. Я. Плюсковой[1]).

1.

Милая Наталья Яковлевна. Благодареніе Всевышнему, я возвратился въ мое гнѣздо благополучно, въ пятницу, въ 12-мъ

---

1) Эти письма были сообщены Плюсковой—князю П. А. Вяземскому при слѣдующемъ письмѣ: Mille fois merci pour ces feuilles interessantes, — la notice renferme des traits caracteristiques de son âme si belle par la pureté et la noblesse des sentiments. Sa conscience était un tribunal sacré pour lui. Quant au tristes details de sa fin, quoique nous disions de la faculté — hélas il parait que l'heure était sonnée. Voila déjà plus de six semaines que cet homme de bien, cet excellent ami n'est plus, — mais qu'il vive à jamais dans le coeur de ceux qu'il a chéris. En relisant encore les lettres que j'avais reçue depuis le retour à Moscou, j'ai pensé à vous les communiquer: la disposition des dernières m'avait fait peine, et excitait presqu'un pressentiment. Je voyais avec surprise et sans pouvoir comprendre de quoi se formalisait il, après une cordialité extrême de ma part. Et vous jugerez que je comprenais encore moin sans un certain rapport celle (qui est réelement touchante) datée du jour de sa fête, quand je l'avais reçue la veille du 26 et sans l'avoir encore felicité. — On vous a renvoyé la mienne qui portait mes félicitations. — Etait ce de la distraction, ou des moments d'absence au milieu d'une prévision soucieuse, et cette ardeur vraiment incessante de revoir encore ici-bas les meileurs amis. Recevez mes tendres adieux, mon cher Prince».

Въ началѣ письма идетъ рѣчь, быть можетъ, о замѣткахъ Иванчина-Писарева къ князю В., сообщенныхъ имъ Н. Я Плюсковой.

Записочка: «J'ai une prière à vous faire, mon cher Prince, qui me tient fort à coeur et vous le comprendrez. S'il vous est possible de reclamez pour moi mes lettres à Mr D.... qu'il prétendait conserver. Vous m'obligeriez, au delà de tout.

Combien sa porte doit vous être sensible, il vous portait une affection si vraie, et mettait beaucoup de prix à votre parfait dévouement à sa personne. — Adieu».

часу по полуночи, и порадованъ былъ ожидавшими меня письмами отъ сестеръ моихъ. Они хотя и не цвѣтутъ здоровьемъ, по крайней мѣрѣ живы.

Вечеромъ того же дня посѣтили меня графъ М. Ю. Вельегорскій и В. А. Жуковскій. Послѣдній привелъ меня въ восторгъ и утѣшеніе, сказавъ, что его Высочество[1]) осчастливилъ мою сельскую хижину своимъ присутствіемъ, изволивъ оглядѣть всѣ комнаты, и смотрѣть съ балкона противолеж. мое и племянника моего помѣстья съ двумя каменными церквами, и спрашивать, гдѣ же тотъ домъ, въ которомъ онъ родился? но увы! его уже нѣтъ. Неблагодарный хозяинъ разрушилъ своего ровесника. На другой же день послѣ обѣда Государыня Императрица благоволила пригласить меня вмѣсто утренняго представленія—на вечеръ. Тамъ Его Высочество изволилъ подтвердить мнѣ сказанное Жуковскимъ. Тамъ же я отдалъ вашъ поклонъ графинѣ Вельегорской, у которой уже былъ и по утру, но не засталъ ее. Не забылъ спросить о вашемъ письмѣ, и получилъ въ отвѣтъ, что оно уже вамъ возвращено. Она была убрана прекрасно бриліантами, хотя это ей не нужно.

Вотъ вамъ обстоятельная реляція о моемъ существованіи до сего дня. Прошу васъ передать изъ нея что слѣдуетъ Софьѣ Николаевнѣ[2]). Надѣюсь, что все сказанное въ ней не назовете, какъ это бывало, пустословіемъ, а примете, какъ искреннее свидѣтельство довѣренности дружбы и душевнаго почтенія, которыя до конца дней своихъ сохранитъ къ вамъ

Преданный
И. Дмитріевъ.

P. S. Нынѣ же съ тяжелою почтою отправилъ къ вамъ ящикъ съ двумя фунтами цвѣточнаго чая Лянсинъ изъ Фузы Лозана Оссоска. Покорнѣйше прошу васъ, милая Наталья Яков-

---

1) Т. е. Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ въ пути своемъ изъ Сибири. *К. Г.*

2) Карамзиной, дочери исторіографа. *К. Г.*

левна, принять этотъ маловажный гостинецъ съ тѣмъ же благоволеніемъ, съ какимъ нѣкогда, не помню, какъ-то былъ принятъ стаканъ воды, подносимый отъ искренняго и усерднаго сердца. Прошу васъ также засвидѣтельствовать Петру Семеновичу [1]) самое искреннее мое почтеніе.

Москва
1837.
Августа 7-го
середа.

2.

Отъ всего сердца, исполненнаго къ вамъ и дружбы и почтенія, привѣтствую васъ, милая Наталья Яковлевна, со днемъ имянинъ вашихъ. Петръ Семеновичъ пишетъ ко мнѣ, что вы удивляетесь столь краткому пребыванію моему въ Сарскомъ Селѣ. Вы сами знаете тому причину. Я же самъ не удивляюсь, но истинно огорченъ былъ, что эта причина лишила меня удовольствія выполнить на дѣлѣ мой стихъ: читать, что нравится, а видѣть, *кто мнѣ милы* [2]). Къ тому же я и совѣстился долѣе обременять моимъ постоемъ К. Петра Ивановича [3]). Для чего бы вамъ, бывши предувѣдомленною о скоромъ моемъ пріѣздѣ, не переѣхать въ столицу? успѣли бы еще накататься по Павловской дорогѣ.

Но Всемогущій ко мнѣ милосердъ: авось сподобитъ меня еще пожить съ милыми мнѣ по уму и по сердцу, къ вознагражденію нынѣшней неудачи. Впередъ будутъ догадливѣе.

Милая графиня [4]) утѣшила меня, какъ нельзя больше, посѣщеніемъ съ дѣтьми своими смиренной моей обители у Патріарших Прудовъ. Увѣрьте ее въ душевной къ ней благодарности, равно какъ и въ глубочайшемъ моемъ почтеніи. Увѣрьте и себя

---

1) См. объ этомъ лицѣ еще ниже. *К. Г.*

2) Стихъ изъ извѣстнаго посланія «Отъ англійскаго стихотворца Попа къ Доктору Арбутноту».

3) Вѣроятно П. И. Мещерскаго, зятя Карамзина, т. е. мужа его дочери Екатерины Николаевны (съ 1828 г.). *К. Г.*

4) Графиня Вьельгорская.

въ томъ же, а меня въ томъ, что я не прогнѣвилъ васъ, осмѣлясь отправить къ вамъ съ графинею московскій гостинецъ. Аминь.

Цѣлуетъ Вашу ручку преданный вамъ и сердцемъ и душою

Ив. Дмитріевъ.

Москва
1837
Августа 24.

3.

Отъ всего сердца благодарю васъ, милая Наталья Яковлевна, за ваше письмо, которое сдѣлало меня на цѣлый день веселымъ, несмотря на вашъ отзывъ насчётъ доставленія отъ меня посылки. Для чего бы не оставить меня въ пріятномъ заблужденіи, что вы приняли два фунта чая не иначе какъ за дружескій, простой гостинецъ? Неужели я думалъ пощеголять здѣшнимъ чаемъ передъ вашимъ? Со всѣмъ смиреніемъ уступаю преимущество вашему, и еще повторю, милая Наталья Яковлевна, что я право взялъ смѣлость послать его по самому чистому побужденію добраго сердца.

Но полно объ этомъ. Займу лучше васъ дѣломъ: я имѣлъ случай говорить пріѣзжему[1]) о Петрѣ Семеновичѣ, и сказать ему все, что должно было сказать объ немъ, вруча ему и записку, полученную мною отъ послѣдняго. Онъ не далъ мнѣ никакого обѣщанія, а поручилъ только мнѣ сказать Петру Семеновичу, чтобы онъ самъ повидался съ нимъ, когда узнаетъ объ его возвращеніи, но только не прежде, какъ черезъ недѣлю, давъ отдохнуть ему. О чемъ и прошу васъ, милая, передать Петру Семеновичу[2]).

---

1) По всей вѣроятности тутъ разумѣется или В. А. Жуковскій, или, пожалуй, самъ Наслѣдникъ Цесаревичъ или, можетъ быть, и иной кто изъ вліятельныхъ особъ, кого Дмитріевъ долженъ былъ просить объ этомъ лицѣ.

К. Г.

2) Трудно сказать рѣшительно, о комъ здѣсь идетъ рѣчь. Не о Петрѣ ли Семеновичѣ Полуденскомъ, московскомъ служебномъ дѣятелѣ, почетномъ опекунѣ (отцѣ библіографа М. П. Полуденскаго), несомнѣнно знакомомъ Дмитріева, въ тотъ моментъ можетъ быть гостившемъ въ Петербургѣ? Въ 1838 г.

Наконецъ скажу и о себѣ, что я довольно здоровъ и спокоенъ, но рѣдко веселъ. Одинъ только по сердцу моему милый старикъ умѣетъ оживлять или одушевлять меня къ невинному лепетанью и непритворной веселости[1]). Эта потребность еще нужнѣе для меня въ настоящемъ моемъ возрастѣ; и я, пока не ударитъ часъ къ большому, невозвратному походу, желалъ бы и еще побыть въ Петербургѣ, чтобы вознаградить нынѣшнюю мою неудачу, погостить у васъ столько, сколько хотѣлось. Итакъ до свиданія цѣлуетъ вашу ручку преданный Вамъ неизмѣнно

всею душою

Ив. Дмитріевъ.

Москва
1837.
Августа 31-го.

4.

Милая Наталья Яковлевна,

Вы первая порадовали меня раннимъ привѣтствіемъ со днемъ имянинъ моихъ, и я спѣшу принести вамъ сердечную благодарность мою, и въ то же время искренную повинность мою въ томъ, что неумышленно огорчилъ васъ нѣкоторыми выраженіями въ письмѣ моемъ. Право не хотѣлъ того; въ извиненіе же себя могу только сказать одно: кого искренно уважаешь, чьей дорожишь дружбою, съ кѣмъ хочется сохранить симпатію — этого слова, кажется, нельзя испугаться отъ 76 лѣтняго старца—того каждое слово болѣе вѣсишь. Согласенъ съ тѣмъ, что можешь иногда и обвѣситься, и ошибиться.... и за то прибѣгаю къ вашему милосердію, и прошу у васъ, милая умница, христіанскаго и дружескаго прощенія. Объ этомъ проситъ васъ имянинникъ въ самый день имянинъ своихъ.

Я очень желаю чтобъ ходатайство мое обратилось въ пользу

слѣдовательно вскорѣ затѣмъ, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ,—возможно, что именно по ходатайству Дмитріева? *К. Г.*

1) Кого имѣетъ здѣсь въ виду И. И., угадать не беремся. Можно предполагать — одного изъ двухъ ровесниковъ поэта: А. А. Прокоповича-Антонскаго († 1848 г.), или А. Ѳ. Малиновскаго († 1840 г.). *К. Г.*

Петра Семеновича, которому свидѣтельствую искреннее мое почтеніе, равно какъ доброй и милой графинѣ.

Что же сказать вамъ о себѣ? Благодареніе Богу, здоровъ. Но право житье мое здѣсь день отъ дня скучнѣе, и я часто досадую на себя, что послѣ отставки поторопился заводиться осѣдлостью въ Москвѣ. Пришлось доживать сиротою, но не теряя желанія и надежды еще авось увидѣться съ милыми по уму и по сердцу. Съ этой отрадною мыслію цѣлуетъ вашу ручку съ душевнымъ почтеніемъ

преданный вамъ на всегда

И. Дмитріевъ.

Москва
1837
Сентября 26-го.

P. S. Рекомендую вамъ Mémoires sur la Reine Hortense [1]), естьли вы ихъ не читали. Очень интересны.

Письма къ кн. П. А. Вяземскому

о кончинѣ И. И. Дмитріева.

1. А. Я. Булгакова.

Москва 4 окт. 1837.

Богинѣ, кузинѣ Надинѣ [2]) сказалъ о твоей большой кручинѣ, что не директоръ ты нынѣ [3]), а угодилъ ей только въ половинѣ. Напротивъ того, дѣло ея матушки такъ хорошо устроено, что она подозрѣваетъ, что и Канкринъ не двоюродный ли ея братецъ; и

1) Эти мемуары королевы Гортензіи Евгеніи (Богарнэ), жены Людовика Бонапарта и матери Наполеона III (она род. 1783 г. и † 1837 г.) отчасти были изданы ею еще при жизни, въ 1834 г. *К. Г.*

2) Сестра жены кн. В. — кн. Над. Ѳед. Святополкъ-Четвертинская, рожд. кн. Гагарина. Ея мать (тёща кн. В.) Праск. Юр. Кологривова, въ перв. бракѣ за Ѳ. С. Гагаринымъ († 1794), рожд. кн. Трубецкая (въ «Горе отъ ума» подъ им. *Татьяны Юрьевны*), ум. 1846. См. Остаф. Арх. I, прим.; стр. 445.

3) Кн. П. А. Вяземскій, будучи тогда вице-директоромъ въ Департаментѣ внѣшн. торговли, исполнялъ временно должность директора (за отсутствіемъ директора Д. С. Языкова). Съ возвращеніемъ послѣдняго онъ сдалъ должность, см. его письмо къ И. И. Дмитріеву отъ 22 сент., Р. Арх. 1868, стр. 657. *К. Г.*

мать и дочь тебя благодарятъ и будутъ ждать присылки изъ Радзивилова etc. отъ тебя и поручили мнѣ тебя благодарить. Онѣ находятъ, что при всякомъ министерствѣ должно бы устроить комитетъ для дамскихъ дѣлъ и что тебя слѣдуетъ назначить президентомъ. Возьми меня хоть въ писаря въ Московскую контору.

Я долженъ тебѣ сообщить весьма плачевную вѣсть. Вчера Баратынскій сказывалъ у Пашковыхъ, что Ив. Ив. Дмитріевъ третьяго дня зашибъ себѣ ногу и что въ ногѣ уже оказался Антоновъ огонь. Въ его лѣта это плохо. Я послалъ провѣдать, а ужо самъ заѣду къ больному. Вчера скончался извѣстный объѣдало Мих. Мих. Волынскій. Онъ былъ больше года въ параличѣ и безъ языка, но такъ какъ языкъ служитъ для разговора, а не для ѣды, то больной всетаки кушалъ до вчерашняго дня. Сію минуту пошелъ пресильный снѣгъ, какъ бы зима не стала[1])...

Ахъ Боже мой! Вообрази, что Ив. Ив. не стало. Онъ скончался еще вчера и вечеромъ племянникъ его пріѣзжалъ на почту узнавать, сколько будетъ стоить эстафета въ Симбирскъ[2]).

Ну! не пакостное ли созданіе человѣкъ и даже поэтъ невинный? Третьяго дня былъ на ногахъ, здоровъ и вдругъ умереть отъ маленькаго ушиба!

Въ Москвѣ какъ-будто не станетъ Ивана Великаго, Кузнецкаго моста или Арбатскихъ воротъ—такъ велика привычка видѣть Дмитріева въ древней столицѣ. Это одна изъ нашихъ достопримѣчательностей. Очень это неожиданно, но у этой скверной курноски и косого давно существуетъ желѣзная дорога для тѣхъ, которыхъ избираетъ въ поспѣшное и дальное путешествіе. Иной такъ скоро въ Петровское не попадетъ, какъ бѣдный Ив. Ив. на тотъ свѣтъ! Впрочемъ онъ пожилъ; говорятъ, что

---

1) Пропускаемъ здѣсь нѣсколько сообщеній вполнѣ частнаго, домашняго характера. *К. Г.*

2) Т. е. къ пребывавшему тамъ его племяннику М. А. Дмитріеву. *К. Г.*

ему за 80![1]), но какъ умрешь, тутъ все равно сколько пожить. Ежели узнаю еще какія подробности о покойномъ, сообщу тебѣ, а между тѣмъ прощай, мой любезнѣйшій.

Мой посланный возвратился съ слѣдующими подробностями: онъ говорилъ съ камердинеромъ покойнаго Ив. Ив—ча. Въ четвергъ Ив. Ив. обѣдалъ дома, сытно поѣлъ поросенка, потомъ вздумалось ему попросить шоколаду, который запилъ стаканомъ молока, послѣ пошелъ въ садъ сажать тополи, но найдя, что свѣжо, велѣлъ подать себѣ и выпилъ ликеру. Садовникъ уговаривалъ его домой убраться, но онъ отвѣчалъ: *Ежели не посажу всѣхъ тополей сегодня, то можетъ быть и не удастся уже это сдѣлать*. C'était une prophétie, однако же воротясь домой почувствовалъ ознобъ, такъ что легъ въ постель съ сильнымъ жаромъ и бредомъ. Всю пятницу былъ въ безпамятствѣ, въ субботу пришедъ въ себя, исповѣдывался и причастился и паки впалъ въ безпамятство, до кончины, послѣдовавшей вчера въ 6-мъ часу вечера. Племянника его нѣтъ, Сѣверина[2]) было стала распоряжаться, но потомъ отступилась. Какой-то Боголюбовъ[3]) тутъ распоряжается и отправилъ эстафету въ Симбирскъ. Покуда вѣроятно все запечатаютъ. Мой докторъ слышалъ отъ Гааза, что это воспаленіе въ печени, стало быть разсказы объ антоновомъ огнѣ—пустяки. Прощай.

Обнимаю тебя.

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ (род. 1781 г., ум. 1863), старый московскій пріятель кн. Вяземскаго и другихъ корифеевъ нашей литературы, сперва дипломатъ, а съ 1832 московскій почтъ-директоръ и самъ отчасти литераторъ, оставившій памятникомъ своихъ литературныхъ связей — обширную и любопытную переписку (лишь отчасти обнародованную), былъ однимъ

---

1) Ему, какъ извѣстно, незадолго передъ тѣмъ, 10-го сент. исполнилось лишь 77 лѣтъ. *К. Г.*

2) Авдотья Николаевна Сѣверина, см. ниже. *К. Г.*

3) См. письма Погодина къ М. А. Дмитріеву. *К. Г.*

изъ самыхъ усердныхъ и постоянныхъ корреспондентовъ кн. П. А. Вяземскаго. Часть этой корреспонденціи, главнымъ образомъ письма послѣдняго, уже появилась въ разныхъ изданіяхъ (Русскомъ Архивѣ, Историч. Вѣстникѣ, Собраніи Сочиненій кн. Вяземскаго, т. X). Объ А. Я. Булгаковѣ и его отношеніяхъ къ кн. В. и другимъ литераторамъ см. подробнѣе: въ статьѣ кн. Вяземскаго «Воспоминаніе о Булгаковыхъ» (Полн. Собр. Сочин. кн. Вяземскаго, т. VII, 1882, стр. 183—190); Русск. Архивъ, 1879, I, стр. 503 и сл.; Историческій Вѣстникъ 1881, май, т. V (Письма А. Я. Булгакова къ кн. Вяземскому); Остафьевскій Архивъ, т. I, примѣч., стр. 394—397; срв. также Справоч. Словарь Г. Геннади, и друг. Нынѣ въ Русск. Архивѣ печатаются письма А. Я. къ брату.

---

2. Князя П. И. Шаликова.

Милостивый Государь
Князь Петръ Андреевичъ!

Съ печальнымъ сердцемъ говорю: вотъ другіе стихи Ивану Ивановичу! Кончина его тѣмъ для меня разительнѣе, что онъ за четыре дня былъ у насъ и здоровымъ, и веселымъ, и щеголемъ—такъ что, когда уѣхалъ, мы долго еще *любовались* имъ!... Помѣстите въ Современникѣ, если стоятъ того. Между тѣмъ усерднѣйше прошу Ваше Сіятельство увѣдомить меня двумя словами, дошелъ ли къ Вамъ отвѣтъ мой на письмо Ваше, черезъ г-жу Крешини полученное мною уже въ *сентябрѣ* — по возвращеніи моемъ изъ деревни. Я много писалъ къ Вамъ и думаю, что Вы не получили; ибо думаю, что не оставили бы меня безъ отвѣта. Сдѣлайте одолженіе, потрудитесь увѣдомить: этимъ разрѣшится для меня *необходимо нужное обстоятельство.*

Пользуясь симъ случаемъ, прошу принять возобновленіе сви-

дѣтельства въ глубочайшемъ почтеніи и неограниченной преданности, съ которыми имѣетъ честь пребыть навсегда

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
К. Петръ Шаликовъ.

15 окт.
1837
Москва.

Князь П. И. Шаликовъ (род. 1768, † 1852) былъ восторженнымъ поклонникомъ И. И. Дмитріева, и при всей своей безталантности въ поэзіи, при многимъ далеко не симпатичныхъ чертахъ характера, умѣлъ снискать расположеніе Ивана Ивановича своею безкорыстною страстью къ литературѣ и поэзіи и пріобрѣсти въ немъ покровителя и защитника. Стихи его по поводу кончины Дмитріева не были напечатаны въ Современникѣ, но незадолго передъ тѣмъ были помѣщены тамъ (1837. № 2, т. VI, стр. 203) другіе стихи его «Къ Ивану Ивановичу Дмитріеву» (по случаю стиховъ, напечатанныхъ въ 16 книжкѣ «Московскаго Наблюдателя 1837 г.» [1]). Вотъ они:

Вотъ слава чистая какъ солнце въ ясный день;
Вотъ истинный талантъ, приманчивый, какъ радость,
Какъ взоръ красавицы, какъ счастливая младость;
Вотъ геній — исполинъ!... Пѣвецъ сокрылся въ сѣнь
Спокойства, отдыха на розахъ неиглистыхъ —
И юноша-пѣвецъ, въ движеньяхъ сердца чистыхъ,
Пѣвцу маститому благоговѣйно дань
Приноситъ творческихъ, небесныхъ вдохновеній,
Которыхъ яркій свѣтъ, какъ діаманта грань,
Какъ искры сѣверныхъ ночныхъ воспламененій,
Взыгралъ на радужномъ неблекнущемъ вѣнцѣ!
И современники въ тебѣ, въ *своемъ* пѣвцѣ,

---

1) Эта дата не подтверждается Въ 9-ой кн. 1836 г., стр. 437, помѣщены стихи С. Строминова «И. И. Дмитріеву», которые очевидно имѣются въ виду кн. Шаликовымъ.

Утѣшены, чело подъемля гордо къ Фебу,
И съ *Ермакомъ тебя благодаря* душой,
Вручаютъ снова дни твои благому Небу:
Да длитъ ихъ токъ съ твоей прекрасною судьбой!

Мы позволили себѣ привести здѣсь эти стихи, такъ какъ во-первыхъ они вѣрно отражаютъ то обаяніе, которымъ пользовалось имя и личность Дмитріева не только у литераторовъ старшаго поколѣнія и его ближайшихъ учениковъ, но и у молодыхъ писателей новаго поколѣнія, а во-вторыхъ эти стихи были послѣдними ему посвященными, которыя ему еще пришлось увидѣть въ печати незадолго до своей кончины. Онъ получилъ эту книжку «Современника» уже по возвращеніи своемъ изъ Петербурга.

О кн. Шаликовѣ подробнѣе см. въ «Мелочахъ» М. А. Дмитріева; также Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. I, 2, прим., стр. 434—437.

3. *Н. Д. Иванчина-Писарева.*

Милостивый Государь
Князь Петръ Андреевичъ!

Не нужно мнѣ говорить вамъ, какова для меня наша общая потеря. Священнымъ долгомъ поставляю лишь сказать вамъ, что покойный часто говаривалъ мнѣ, что онъ *вамъ* завѣщаетъ написать его біографію. Положите этотъ чистый ладонъ на жертвенникъ отечества.

У племянника и наслѣдника его, Михаила Александровича, должны быть Записки покойнаго, начинающіяся съ самаго его младенчества. Покойный многое изъ нихъ читалъ мнѣ. Тамъ бытъ Цызранскаго[1]) отрока; тамъ и первое стремленіе отрока-писателя и поэта, ободряемое старикомъ Новиковымъ; тамъ первые опыты его въ состязаніи съ Тибуломъ въ нѣжномъ, съ Гораціемъ въ высокомъ и философическомъ, съ Лафонтеномъ въ легкомъ и игривомъ; тамъ и споръ Державина съ Екатериною II,

1) Сызранскаго, по родному его гнѣзду близь Сызрани. *К. Г.*

не распознавшею лиры его съ лирою его друга[1]). Тамъ вся исторія нашей пiитики: тамъ почтительное вниманіе его къ Петрову и къ первому нашему перелагателю Гомера; къ пѣвцу Душеньки и творцу Россіады; тамъ все поприще, на коемъ онъ первый покорилъ нашъ языкъ нѣжнымъ отзывамъ сердца, плѣнилъ нашъ вкусъ легкостью, правильностью и чистотою; образовалъ Жуковскаго, Батюшкова, *ихъ друга*[2]) — и далъ имъ образовать Пушкина. Тамъ его безкорыстное, правдивое, прямо поэтическое служеніе и въ храмѣ Ѳемиды. Тамъ любопытнѣйшій періодъ знаменитости Россіи, уже страшной на поляхъ брани, уже дивящей царедворцевъ Запада пышностью двора и людскостью въ общежитіи, уже готовой состязаться со всѣми народами на мирномъ ристалищѣ слова. Тамъ пріязнь выспреннаго Державина, дружба великаго, святого Карамзина! — Вспомните этого друга всѣхъ возрастовъ, на глазахъ коего разцвѣло столько талантовъ имъ возращенныхъ, имъ направленныхъ; вспомните пользу его бесѣдъ, пользу даже и въ строгости его приговоровъ: она была очевидна для тѣхъ, которые стремились къ изящному, заглушая въ себѣ суетный голосъ мелочного самолюбія, неразлучнаго съ одною лишь посредственностью. Онъ часто прибѣгалъ и къ ироніи, разбирая наши начатки; но въ ней проглядывало теплое, горячее участіе въ насъ, и ревностное участіе въ успѣхахъ слова; — но онъ всегда твердо стоялъ за дарованіе, явное уже имъ обѣщаемое; — но я самъ, имѣвъ честь раздѣлить его слезы о Карамзинѣ, видѣлъ и тѣ, которыя проливалъ онъ о Веневитиновѣ и еще недавно объ А. Пушкинѣ. Онъ умѣлъ благоговѣть ко всему возвышенному, до конца жизни ублажать память всего добраго и великаго; никогда не доканчивалъ онъ имени Александра I-го, — голосъ его прерывался слезами.

Біографія не повредитъ изданію самыхъ Записокъ. Вы уже достойно говорили о Державинѣ: вы изобразите и его совмѣ-

---

1) Здѣсь конечно разумѣется случай, бывшій съ поднесеніемъ стиховъ И. И. «Гласъ Патріота», въ которыхъ Д. подмѣнилъ имена. См. «Взглядъ на мою жизнь», 1860, стр. 75—76. *К. Г.*

2) Т. е. самого кн. Вяземскаго.

стника. Жуковскій [скажетъ] о немъ своею безсмертною лирою; Вяземскій изобразитъ его жизнь, скажетъ о нашей къ нему признательности — и тѣнь друга-учителя будетъ довольна!

Что касается до меня, то и слабость моего таланта, и нездоровье не позволяютъ мнѣ ничего болѣе, какъ только плакать о немъ. Впервые послѣ смерти старшей сестры-друга я пораженъ такъ сильно. До сихъ поръ ни строчки моей нѣтъ на ея гробѣ. Тѣмъ-же молчаніемъ освящу память и этого отшельца. Спишу вамъ лишь нѣкоторыя письма его изъ осмнадцатилѣтней переписки нашей (отъ мая 1819 по сентябрь 1837). Можетъ быть тамъ найдется что-нибудь для очерка послѣднихъ лѣтъ его жизни. Въ письмахъ отъ 14 августа и 17 сентября, за 16 дней предъ своею кончиною, онъ писалъ ко мнѣ о послѣдней поѣздкѣ своей въ Ригу и Ревель. Катерина Андреевна [1]) вѣрно также оплакиваетъ память незабвеннаго, столь неразлучно слившуюся съ памятью другого незабвеннаго.

Повторяя Вамъ о всегдашнихъ чувствахъ моего къ вамъ почтенія и преданности, честь имѣю остаться,

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Николай Иванчинъ-Писаревъ.

С. Рудинки
1837-го Октября 15 дня.

Въ послѣднихъ своихъ письмахъ онъ съ истинно родственнымъ участіемъ во мнѣ сердился на неизвѣстныхъ мнѣ враговъ моихъ, которымъ я не отвѣчалъ, и отвѣчать не буду, желая хотя этимъ подражать Карамзину. Имъ нужно было сказать (въ заглавіи), что ихъ *библіотека* назначена ими *для чтенія*; но чтобы заманить къ этому чтенію, взялись за брань [2]). Богъ съ ними!

---

1) Карамзина.

2) Въ «Библіотекѣ для чтенія» 1837, августъ (т. 23, ч. 2), стр. 60—62, была помѣщена злая рецензія на книжку Иванчина-Писарева «Взглядъ на старинную русскую поэзію» (Москва, 1837), гдѣ между прочимъ говорится:

Мнѣ теперь не до нихъ! Я лишенъ важнаго для сердца: въ Москвѣ осталось для меня лишь много камней, а людей мало! Я пережилъ слишкомъ многихъ!

Михаилъ Александровичъ[1]) и самъ могъ бы приняться за полную біографію, но едва ли возмется; онъ болѣе привыкъ къ стихотворству, нежели къ прозѣ. Мое дѣло было сообщить вамъ желаніе покойнаго за годъ или болѣе до кончины его.

Я лишь 10-го окт. узналъ объ этомъ несчастіи, бывъ долго въ Тульской губерніи. Я не простился съ нимъ — это умножаетъ мою скорбь.

(*Приписка на особомъ листкѣ*).

Если осталось что-нибудь отъ прежнихъ распрей съ Михаиломъ Александровичемъ — забудьте все, — пожертвуйте многимъ,—сблизитесь съ нимъ для нужныхъ вамъ пособій въ дѣлѣ и сердца и пользы нашей словесности.

Переписка покойнаго съ Карамзинымъ, Державинымъ и пр. также у Михаила Александровича, и такъ сближеніе ваше съ нимъ почти необходимо.

Милостивый Государь
Князь Петръ Андреевичъ!

Совершенно увѣренный, что Ваше Сіятельство исполните волю покойнаго Ивана Ивановича написаніемъ его біографіи, съ нетерпѣніемъ буду ждать этого подарка Россіянамъ; а между тѣмъ сообщаю вамъ нѣчто о немъ какъ просто о человѣкѣ. Прочитайте это, и что найдете приличнымъ для біографіи, то выпи-

«Кто читалъ прежнія сочиненія этого писателя, тотъ знаетъ, что онъ безъ сентиментальнаго восторга ни на что не взглядывалъ и отъ всего приходилъ въ восхищеніе...». «Впрочемъ, И.—П.—поэтъ, а не историкъ...». *К. Г.*

1) Дмитріевъ, племянникъ поэта. *К. Г.*

шите и введите. Можете измѣнить мои строки, какъ вамъ будетъ угодно касательно слога и даже всего прочаго.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю остаться

Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Николай Иванчинъ-Писаревъ.

С. Рудинки
1837 г.
Окт. 25.

Незамедлю доставить списки его ко мнѣ писемъ[1]), въ которыхъ 18 лѣтъ довѣрялъ онъ мнѣ всѣ радости и скорби сердца. Вамъ будетъ пріятно читать эти письма: тамъ его чувство дружбы къ вамъ и сближеніе меня съ вами, котораго вы удостоивали меня въ послѣдствіи.

Ник. Дмитр. Иванчинъ-Писаревъ, объ отношеніяхъ котораго къ И. И. Дмитріеву было уже упомянуто выше, былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ какъ Карамзина, такъ и Дмитріева. Съ послѣднимъ онъ былъ очень близокъ, и дружеская переписка ихъ, по свидѣтельству Н. Д., началась еще въ 1819 г. Какъ разъ въ этомъ году въ «Сынѣ Отечества», (части 57—58, стр. 224—31) были напечатаны двѣ надписи Иванчина-Писарева: «Къ портрету И. И. Дмитріева»[2]) и «Къ

1) Этихъ писемъ нѣтъ въ нашемъ собраніи: быть можетъ, Иванчинъ-Писаревъ и не собрался ихъ доставить кн. Вяземскому. Впослѣдствіи онъ напечаталъ въ Москвитянинѣ, 1844, VII, 49—50, маленькіе отрывки изъ писемъ Дмитріева, гдѣ идетъ рѣчь о смерти Карамзина, Веневитинова, Мерзлякова и Измайлова *К. Г.*

2) Вотъ эта надпись:

Се Дмитріевъ, наперсникъ Аполлона:
Коснулся ль лирѣ онъ — плѣняетъ какъ Орфей;
Вѣсы ль Ѳемиды взялъ—другъ истины у трона;
Укрылся ль въ мирну сѣнь — сокровище друзей!

портрету Н. М. Карамзина». Быть можетъ, съ этимъ въ связи и личное сближеніе ихъ автора съ нашимъ поэтомъ. Объ этомъ близкомъ знакомствѣ разсказываетъ кое-что М. А. Дмитріевъ въ своихъ «Мелочахъ» и кн. П. А. Вяземскій въ своей послѣдней статьѣ о Дмитріевѣ[1]). См. еще свѣдѣнія объ Иванчинѣ-Писаревѣ и его литературныхъ произведеніяхъ въ Словарѣ Геннади (т. II, стр. 43); также Остафьевскій Архивъ, т. I, примѣч., стр. 559—560; Н. П. Барсукова «Письма Дмитріева къ кн. Вяземскому», прим., стр. 110.

Замѣтки Иванчина-Писарева объ И. И. Дмитріевѣ, сообщенныя кн. Вяземскому, имѣютъ видъ черновыхъ набросковъ на нѣсколькихъ листкахъ. Въ текстѣ имѣются выноски, сдѣланныя карандашемъ, которымъ на особомъ листкѣ соотвѣтствуютъ примѣчанія, предназначенныя лишь къ свѣдѣнію кн. Вяземскаго. Для удобства мы ихъ помѣщаемъ также подъ строкой (онѣ означены цифрами, тогда какъ другія звѣздочками). Само собой разумѣется, что мы воспроизводимъ здѣсь всю рукопись цѣликомъ.

Замѣтки Н. Д. Иванчина-Писарева.

Человѣкъ важнѣе писателя и вельможи: и такъ скажемъ нѣчто о Дмитріевѣ въ этомъ смыслѣ. Бросивъ вѣрный, безпристрастный взглядъ на его характеръ, мы найдемъ, что онъ былъ добръ, правдивъ, благотворителенъ.

Можетъ быть нѣкоторые думаютъ, что въ религіозныхъ отношеніяхъ онъ позволялъ себѣ излишнюю свободу въ мысляхъ; но они ошибаются. Правда, на кого XVIII вѣкъ не имѣлъ влія-

1) Мелочи изъ запаса моей памяти, М. 1854, стр. 87, 2 изд., 132. — Полное Собраніе Сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 161. — Нѣсколько словъ по поводу смерти Иванчина-Писарева, Москвитянинъ, 1849, № 4, с. 88. Послѣдніе стишки И. И., относящіеся къ 1836 году, написаны *Въ альбомъ Г-жи Иванчиной-Писаревой* (Москвитянинъ, 1841, ч. II). Вотъ они:

Счастливый Писаревъ! Мнѣ ль, старцу, близъ могилы
Въ Альбомѣ Грацiи страницу занимать —
Между младыхъ цвѣтовъ? Но грацiи такъ милы;
Любимецъ ихъ такъ добръ.... не смѣю отказать.

нія! Но, кромѣ того, что онъ былъ болѣе многихъ христіаниномъ по добрымъ дѣламъ (когда польза человѣчества казалась явною), въ самыхъ бесѣдахъ о религіозныхъ истинахъ съ людьми близкими его сердцу онъ смиренно слушалъ говорящаго, и рѣдко безъ слезъ прекращалъ разговоръ. Истинно умный человѣкъ не могъ быть не добрымъ, истинно добрый не могъ не быть христіаниномъ въ душѣ своей! Въ добавокъ, онъ жилъ какъ многіе изъ насъ вѣруютъ или думаютъ, что вѣруютъ (1).

Сколько старцевъ и сиротъ имъ облагодѣтельствованы! Нельзя забыть вечеровъ, посвященныхъ добродѣтели. Поливая цвѣты въ садикѣ своемъ и на окнахъ, старый поэтъ, но всегда юный другъ человѣчества то диктовалъ, то давалъ сочинять на мѣстѣ нѣкоторымъ изъ друзей своихъ просительныя письма къ императору и императрицѣ для старика, вдовы или сироты, тутъ же сидѣвшихъ (2). Сложивъ письмо и отдавая имъ, онъ уклонялся,—и часто догадывались, что не одна бумага выходила изъ рукъ его; иногда слышалось, что за дверью звенѣло.

Онъ часто былъ тайнымъ, то есть прямымъ благотворителемъ своихъ собраній на поприщѣ словесности. Писатель съ нѣкоторымъ дарованіемъ, но обиженный фортуною, былъ для него чѣмъ-то священнымъ. Сколько исходатайствовано имъ наградъ и поощреній! Сколько высыпано имъ тихонько изъ собсвеннаго кошелька при его умѣренномъ достаткѣ [1]). Сожалѣть ли,

---

(1) Эту полстраницу (правдивую) предоставляю на ваше усмотрѣніе. Думаю, что кстати; ибо ханжи кричатъ; а Москва, позволяющая себѣ столько безпутства, говоритъ объ немъ какъ о В.....мъ (Волынскомъ) *), который только что ѣлъ, и умеръ также въ Москвѣ, и также скоро. О! не дай Богъ быть славнымъ на землѣ: Гр. Ап. и К. Ю....въ умерли накушавшись ботвиньи съ тёшкою—никто ничего не говоритъ;—Дмитріевъ умеръ 77 лѣтъ, можетъ быть, и отъ воспаленія въ желудкѣ, — всѣ только и говорятъ объ этомъ!

*) *М. М. Волынскій, см. выше письмо А. Я. Булгакова.* *К. Г.*

(2) Я, покойный профессоръ Пельтъ *) и Вас. Льв. Пушкинъ часто употреблялись имъ для святыхъ дѣлъ.

*) *Иванъ Александровичъ, лекторъ французскаго языка въ Москов. университетъ († 1829). См. о немъ Н. П. Барсукова «Ж. и Т. Погодина», кн. I, стр. 57.* *К. Г.*

1) Сенаторъ, онъ жилъ малымъ отцовскимъ и жалованьемъ; министръ, тѣмъ же малымъ отцовскимъ и жалованьемъ. Полученное имъ отъ щедротъ Александра I все вдругъ истратилось на домъ и библіотеку: черта поэта, непохвальная въ глазахъ капиталиста. *Ив.-Пис.*

что В. Из. . . . вы *) не укажутъ изъ гроба на гробъ Дмитріева: осталось довольно живыхъ, чтобъ съ слезами признательности указать на него современникамъ и потомству, вмѣстѣ съ благороднымъ сознаніемъ въ этой истинѣ. Издатель книги, потерпѣвшій убытокъ, былъ предметомъ его *слезъ* [1]),—и если бы не страшилъ его примѣръ брата его и друга, покойнаго Бекетова, раззорившагося отъ пособій въ таковыхъ случаяхъ, Дмитріевъ также сдѣлался бы ихъ жертвою. Но сего было еще мало для прекрасной души его: неуклонно стоя̀ за таланты, онъ ободрялъ и защищалъ ихъ не смотря на обстоятельства. Одинъ изъ почтеннѣйшихъ людей въ обществѣ и изъ отличнѣйшихъ нашихъ поэтовъ—то излишнею довѣренностью, то скоростью въ дѣлахъ по службѣ, свойственными лишь поэту, — въ седьмой разъ под-

---

*) *В. В. Измайловъ, известный писатель и журналистъ († 1830 г.). О немъ ст. Иванчина-Писарева въ «Литературн. Газетѣ» 1830, т. II.* *К. Г.*

1) За нѣсколько дней до кончины своей, онъ въ письмѣ къ пріятелю *оплакивалъ* участь одного книгопродавца, раззорившагося отъ неудачи въ изданіи книги, стоившей ему большой суммы денегъ (3). *Ив.-Пис.*

(3) Осиротѣвшее семейство бѣднаго книгопродавца, Кузнецова, хотѣло подняться изданіемъ *христіанскаго мѣсяцеслова*, одобреннаго княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ изустно, въ разговорѣ съ Ив. Ив.,—вдругъ раззорилось уничтоженіемъ сего изданія: вотъ что писалъ ко мнѣ покойный отъ 17 сентября (за 16 дн. до кончины): «Не задолго предъ симъ Университетскою и духовною ценсурою совершенъ слѣдующій актъ: четвертое изданіе бывшаго *христіанскаго* календаря, состоящее изъ 7200 экземпляровъ, и стоившее за отпечатаніе издателямъ, Кузнецовымъ, до 20,000 рублей, по приговору обѣихъ ученыхъ ценсуръ осуждено на истребленіе. Замѣтьте: уже *четвертое* изданіе! Грустно и говорить о томъ».

Не можете ли вы, черезъ Василія Андреевича или черезъ кого-нибудь, оправдать человѣчество передъ тѣнію Дмитріева, исходатайствованіемъ какой-нибудь отрады этому семейству? *) Дѣйствуйте отъ себя самихъ: я не такъ значителенъ, чтобъ ссориться съ ученымъ свѣтомъ и живу въ уединеніи. Я знаю, что Ив. Ив. не имѣлъ не только тысячъ, ниже сотней тогда, чтобы помо̀чь этому семейству.

*) *Кн. Вяземскій уже хлопоталъ по этому дѣлу — по просьбѣ Ив. Ив. съ конца 1836-го года. См. ихъ переписку: «Письма И. И. Дмитріева къ кн. Вяземскому». Спб. 1898, стр. 80 и дал.; 141, 142, 145, и письма Вяземскаго въ Р. Арх. 1868.—По смерти Ив. Ив. кн. П. А. продолжаетъ свои хлопоты. См. письмо къ А. Я. Булгакову, которому онъ поручилъ хлопотать: «Дмитріевъ скажетъ тебѣ за то спасибо съ того свѣта. Онъ завѣщалъ мнѣ дѣло Кузнецова». Р. Архивъ, 1879. 2, стр. 257.* *К. Г.*

падалъ подъ судъ *). Дмитріевъ трепещущими руками подноситъ неизбѣжное донесеніе. Императоръ прочитавъ бумагу, сказалъ: «предать суду».—«Государь!—говоритъ министръ, избавьте этого старца всѣми уважаемаго, и мною первымъ, отъ седьмой непріятности». — «Что же мнѣ дѣлать?» — «Уволить его отъ службы, прекративъ всѣ слѣдствія».—«Хорошо», заключилъ тронутый монархъ. (Мы слышали это отъ самыхъ ближнихъ того, съ кѣмъ это случилось). Не всякій изъ нынѣшнихъ писателей-совмѣстниковъ поступитъ такъ возвышенно, такъ самоотверженно.

Однажды (это было вскорѣ послѣ занятія Москвы французами) узнаётъ онъ, что на одного изъ знакомыхъ ему литераторовъ поступилъ доносъ ужасный, а притомъ и несправедливый; зная, однакоже, что онъ шелъ отъ лица весьма сильнаго и что обвиняемый, хотя и можетъ оправдаться, но съ большими проволочками и разстройствомъ здоровья, рѣшился упросить сановника, чрезъ чьи руки доносу слѣдовало дойти до Государя, скрыть эту бумагу, пользуясь тогдашнимъ смутнымъ временемъ! — Вельможа, министръ тогда еще на службѣ, онъ подвергалъ себя лишенію всей довѣренности Государя, Его справедливому гнѣву, и зависимости отъ того, кому сообщалъ объ этомъ, можно сказать, святомъ, но не законномъ домогательствѣ! — Впослѣдствіи онъ не утаилъ этого поступка отъ покойнаго императора, который, скрывая умиленіе своего прекраснаго сердца, сказалъ ему: «Одинъ разъ можно это сдѣлать» (4). Скажутъ: главное дѣло министра блюсти законы и ихъ правильный ходъ. Будемъ отвѣчать на это слѣдующимъ примѣромъ изъ его жизни, примѣромъ,

---

*) *Здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстномъ писателѣ начала 19 вѣка, кн. Ив. Мих. Долгорукомъ († 1823). См. ниже примѣчаніе 4-ое. Иванчинъ-Писаревъ былъ близокъ съ нимъ: къ нему обращены предпослѣдніе стихи поэта (1822 г). Москвитянинъ, 1842, I, стр. 180.* *К. Г.*

(4) Анекдотъ касательно скрытія несправедливаго доноса, кажется, можетъ быть приведенъ въ его біографіи; онъ и вамъ навѣрное извѣстенъ. Касательно же предшествующаго ему анекдота, вы угадаете покойнаго кн. Ивана Михайловича Долгорукова. Все это предлагаю на ваше усмотрѣніе. Разберите, что прилично и что нѣтъ, и изберите приличное въ біографію.

коего мы были свидѣтелями. Является къ нему одна изъ самыхъ ближайшихъ родственницъ съ выпискою изъ своего тяжебнаго дѣла (Дмитріевъ былъ уже въ отставкѣ, но въ связяхъ съ служащими вельможами): подозрѣвая себя въ пристрастіи, онъ приглашаетъ къ себѣ нѣсколькихъ сенаторовъ, имъ нѣкогда взысканныхъ по службѣ и отличенныхъ чинами и знаками орденовъ (помнится намъ о двухъ, и мы осмѣлимся назвать: Огарева и Постникова). Изложивъ имъ дѣло, говоритъ: «Не забудьте, бывшіе мои товарищи, что за одну справедливость вашу я сблизился съ вами еще въ началѣ вашей службы: не измѣните и нынѣ моей надеждѣ, моей всегдашней къ вамъ довѣренности; говорите здѣсь, въ кабинетѣ моемъ, какъ передъ зерцаломъ». Чрезъ полчаса родственница была обвинена, и Дмитріевъ сказалъ: «спасибо! радуюсь! вы оправдали мнѣніе о себѣ вашего прежняго сослуживца: я не ошибся»! За симъ онъ съ слезами обнялъ родственницу, указалъ ей на сердце—и она утѣшилась ([5]).

Вотъ другой примѣръ: Думали, что у Дмитріева съ Державинымъ произошла однажды размолвка по соперничеству на Парнассѣ, но было такъ: отставной министръ просилъ служащаго министра и друга объ одномъ постороннемъ тяжебномъ дѣлѣ. Дмитріевъ, проникнутый святою истиною, что ни формы, ни сущность судопроизводства не должны затмевать или ослаблять самого закона, отказалъ. Пылкій, пламенный Державинъ, хотя и уличенъ былъ имъ въ обманчивомъ порывѣ души всегда восторженной, долго не могъ простить преемнику неисполненіе дружеской просьбы. Надобно было знать, чего это стоило Дмитріеву, другу, почти семьянину Державина, и любившему его съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ.

Гробъ есть порука въ безпристрастіи: будемъ лишь справедливы. Нѣкоторые не признавали въ немъ чувствительности: разувѣримъ ихъ въ этомъ. За нѣсколько еще лѣтъ до кончины

---

(5) Это было почти при мнѣ: я засталъ у него лишь одного изъ сенаторовъ, и слышалъ, какъ онъ, разсказывая все это мнѣ, хвалился своими прежними сослуживцами.

Карамзина онъ трепеталъ при извѣстіяхъ о каждомъ его болѣзненномъ припадкѣ. Не нужно сказывать, что было съ нимъ при вѣсти о его смерти: кто, впрочемъ не скорбѣлъ о родномъ или другѣ! — Но мы видѣли его слезы о молодомъ пѣвцѣ Веневитиновѣ *) и еще недавно объ А. Пушкинѣ: онъ плакалъ о послѣднемъ какъ младенецъ, говоря, что никто не умиралъ ранѣе Пушкина, котораго время дѣлало не только славою нашей литературы, но и полезнымъ престолу и отечеству. Никто болѣе его не былъ тронутъ на похоронахъ Мерзлякова. Онъ умѣлъ цѣнить и изящное таланта, и изящное души; умѣлъ благоговѣть ко всему возвышенному, до конца жизни ублажать память всего добраго и великаго: никогда не доканчивалъ онъ имени Александра I — голосъ его прерывался слезами. Мы помнимъ, какъ онъ былъ растроганъ запискою сего Государя къ Карамзину по случаю наводненія въ Петербургѣ; помнимъ, какъ онъ болѣе получаса рыдалъ надъ рескриптомъ нынѣ царствующаго къ исторіографу.

Привычка къ нѣкоторой игривости и остротамъ въ разговорѣ заставляла иныхъ сомнѣваться въ его чувствительности. Читалъ ли ему свое сочиненіе кто изъ людей для него еще новыхъ: онъ слушалъ и замѣчалъ мѣста съ важностью; но если это былъ кто-нибудь изъ короткихъ, тогда къ замѣчаніямъ его части присоединялось нѣчто забавное, но столько же добродушное, сколько и полезное для автора. Напрасно, кто не хорошо зналъ его, находилъ здѣсь холодность и неучастіе. — Однажды, перечитывая нѣкоторыя *Мысли и Замѣчанія* **) одного изъ молодыхъ его друзей, онъ находитъ слѣдующее: «Есть люди, которые, читая при васъ ваши сочиненія, смѣются надъ вами за нѣкоторыя мѣста̀ онаго; а вы съ слезами признательности готовы броситься къ нимъ и заключить ихъ въ свои объятія. Эту странность легко разгадать: они любятъ васъ, и своими насмѣшками охра-

---

*) *Дм. Вл. Веневитиновъ род. 1805 г., ум. 15 марта 1827 г.* *К. Г.*

**) *Надо думать, что Ив.-Пис. разсказываетъ о случаѣ, бывшемъ съ нимъ самимъ, и что тутъ идетъ рѣчь о его произведеніи.* *К. Г.*

няютъ васъ отъ насмѣшекъ ядовитыхъ». Дмитріевъ понялъ, и тронутый, бросился обнимать молодого друга. Во все продолженіе жизни онъ любилъ притворно шутить надъ чувствительностью друзей своихъ, не исключая и самого Карамзина, хотя былъ чувствительнымъ болѣе многихъ изъ нихъ.

Смѣло заключимъ свой взглядъ на характеръ этого человѣка еще однимъ важнымъ замѣчаніемъ: если другъ Карамзина былъ и менѣе его нѣженъ, и часто казался въ нѣкоторой съ нимъ противуположности (намъ ли пересоздавать темпераменты людей!), за то Карамзинъ зналъ его сердце, и до послѣдней минуты сохранилъ къ нему чувство столь рѣдкое въ нашемъ математическомъ вѣкѣ, ту полувѣковую дружбу, которая, никогда не ослабѣвая, умножила славу обоихъ знаменитыхъ современниковъ. Теперь, соединясь тамъ, гдѣ ни время, ни пространство не отрываютъ сердца отъ сердца, въ мірѣ вѣчнаго сліянія, вѣчнаго согласія, они лишь обновили земной бытъ ихъ примѣрной связи. Можетъ быть, новый отшелецъ помнитъ и привѣтствуетъ когонибудь и изъ тѣхъ друзей-почитателей, которые проводили его отъ земли: часто память его благословится ихъ слезами!

(На особомъ листкѣ прибавлено)

Дмитріевъ любилъ наслаждаться жизнію, но всегда благородно. Тратилъ деньги (кромѣ библіотеки, эстамповъ, бюстовъ и тому подобнаго) на украшеніе дома и сада; любилъ покойный и опрятные экипажи; любилъ хорошо поѣсть, хотя по большей части и просто. Но никогда не вдавался въ излишества служеній Бахусу и Кипридѣ. Рѣдкія и скрытныя уклоненія касательно послѣдняго не знаменуютъ ничего въ характерѣ и жизни человѣка, прожившаго болѣе трехъ долей столѣтія. За то смѣло могу сказать, что юноши трехъ поколѣній въ каждый періодъ его жизни, побесѣдуя съ нимъ, возвращались домой, столь же невинными, только умнѣе и даже добрѣе прежняго. Сверхъ того, зная стыдливость или строгія правила котораго-нибудь изъ своихъ собесѣдниковъ, онъ былъ еще осмотрительнѣе и наблюдалъ,

чтобы въ присутствіи его не проронилось какое-нибудь нескромное слово. Онъ умѣлъ *цѣнить все*: итакъ имѣлъ величайшее изъ знаній, какое только возможно на землѣ. Рѣдко, покоряясь обязанностямъ хозяина дома, онъ вмѣшивался въ разговоръ нѣсколько вольный. Но гдѣ не былъ связанъ этою обязанностью — всегда былъ *собою*. Мнѣ случилось однажды быть свидѣтелемъ почти дѣвственной его стыдливости, а притомъ и благородства, даже возвышенности его характера. Въ одномъ обществѣ мужчинъ прослышался голосъ вельможи, который былъ старѣе его лѣтами и однимъ знакомъ орденовъ: «Иванъ Ивановичъ! бывали ль въ....... (тутъ онъ употребилъ народное названіе кипридина храма)?» — «Не бывалъ, и не стыжусь».—«А я бывалъ, бываю, и не стыжусь».—«Мнѣ остается поздравить васъ съ необыкновенно незазорною совѣстью». — Кто изъ благовоспитанныхъ, кто изъ друзей добродѣтели не бросился бы тогда цѣловать руки Дмитріева, котораго и скромность и твердость были здѣсь важными адвокатами нравственности [1])?

4. А. А. Іовскаго [2]).

Милостивый Государь

Петръ Андреевичъ!

Письмо Вашего Сіятельства отъ 17 октября я присоединю къ памятникамъ моимъ объ особѣ, съ потерею котораго чув-

---

1) Этимъ кончаются замѣтки, но сохранился еще листокъ — съ прибавленіемъ къ разсказу, намъ впрочемъ неизвѣстному. Сверху надпись: *«заключить этимъ статью анекдота въ Марьиной рощѣ»*.

«Въ эту минуту встрѣчается съ Дмитріевымъ почтенный его пріятель, графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, и онъ съ полнымъ жаромъ своихъ политико-піитическихъ доводовъ разсказываетъ ему это происшествіе. Старый куртизанъ Екатерины, Фридерика и Маріи Антуанеты, съ привычною улыбкою и пожавъ плечами, сказалъ: «Дивлюсь, какъ по своей страсти мѣшаться съ толпами, ты до сихъ поръ не былъ еще взятъ въ полицію!» и разсказалъ, какъ однажды, voulant se populariser, онъ былъ съ полдюжиною простолюдиновъ захваченъ и приведенъ въ какую-то караульню, гдѣ долго дожидался своего приговора, съ смиреніемъ и до конца скрывая свои звѣзды, выдержалъ допросъ армейскаго капитана, и выпущенъ былъ за исправные отвѣты и кротость».

2) Александръ Алексѣевичъ Іовскій (род. 1796, † послѣ 1854), докторъ медицины и профессоръ (фармакологіи и пр.) Московск. университета (съ

ствую мое совершенное сиротство въ Москвѣ. Вы вашимъ письмомъ растравили еще свѣжія раны моего сердца, но, уважая вашъ вызовъ, вотъ вамъ горестный отчетъ: двѣнадцать лѣтъ самой чистой, истинно душевной пріязни ко мнѣ отозвались для меня въ послѣдніе дни жизни Ивана Ивановича. Увидавъ меня 2-го октября, когда ему сдѣлалось очень легко, онъ прижалъ меня еще къ своему сердцу; но смерть уже сторожила часы его и благородныя чувства его скоро подавлены были тяжестью болѣзни. Въ продолженіе 12 лѣтъ я испыталъ и жестокость потерь семейныхъ, и много, много горя; но я видѣлъ всегда у себя и съ собою Ивана Ивановича. Это единственный утѣшитель, который не разъ спасалъ меня, чтобы я не упалъ совсѣмъ духомъ. Ахъ! какъ онъ любилъ меня и какъ жестока для меня потеря его!

Это—невольное отступленіе. Утро сентября 26 дня [1]) было послѣднее живое свиданіе съ И. И. Онъ меня удержалъ у себя цѣлое утро, показывалъ новыя книги, показывалъ полученный имъ эстампъ русскихъ поэтовъ [2]), много говорилъ о литературѣ, жалѣлъ о литературѣ, воспоминалъ о Петербургѣ и объ Александрѣ и Карамзинѣ; наконецъ собралъ полученныя имъ литературныя новости, приказалъ увязать и отправить ко мнѣ. Разстался я съ нимъ почти въ 2 часа, и онъ, провожая меня, напомнилъ, что въ пятницу училища отъ ученія свободны и онъ цѣлое утро будетъ дома. Въ 10 часовъ въ пятницу 1-го октября пріѣзжаю къ нему и застаю его распростернымъ на софѣ, въ томъ кабинетѣ, гдѣ въ первый разъ я познакомился съ вами — въ кабинетѣ окнами на дворъ. Онъ уже не узналъ меня. Же-

---

1826 г.) былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ И. И. Дмитріевымъ и призывался на докторскія консультаціи къ постели умирающаго. Его разсказъ — показаніе ближайшаго свидѣтеля послѣдней болѣзни и кончины поэта, и этимъ достаточно опредѣляется его цѣнность; объ Іовскомъ упоминаетъ и Погодинъ въ своихъ письмахъ къ М. А. Дмитріеву. Очевидно, кн. Вяземскій просилъ его описать ему послѣдніе часы Дмитріева.

1) День ангела И. И. Дмитріева. *К. Г.*

2) См. выше письмо И. И. къ кн. Вяземскому и примѣч. къ нему. *К. Г.*

стокій жаръ, сонливость безчувственная, тихій бредъ и даже непроизвольное очищеніе—сильная степень горячки.

Жестоко смотрѣть на страданія близкихъ сердцу! Въ 12 часовъ пріѣхалъ докторъ и разсказалъ мнѣ, что наканунѣ онъ былъ приглашенъ къ И. И. и въ пять часовъ пополудни нашелъ въ немъ сильный ознобъ, перемежающійся съ сильнымъ жаромъ и что онъ замѣтилъ въ немъ уже слѣды безпамятства.—Однимъ словомъ И. И. пообѣдалъ и напившись шоколаду вышелъ смотрѣть посадку деревьевъ и застудилъ себя. Сильная дрожь появилась, когда онъ былъ еще при садкѣ деревьевъ, и его изъ саду привели уже два человѣка. Докторъ согласился, когда къ вечеру не будетъ лучше, то поставить піявки. Съ половины второго часа (*ночи?*) болѣзнь начала возрастать въ жестокости своей. Въ три часа бредъ усилился; больной вскрикивалъ, вскакивалъ безпрестанно въ постели. Въ четыре часа начали приставлять ему піявки, но въ бреду онъ часть ихъ оторвалъ и побросалъ. Но кровь изъ нихъ (*изъ ранокъ*) продолжала течь и это подавало несомнѣнную надежду на благодѣтельный переломъ. Дѣйствительно—въ 12 часовъ ночи [1]) безпокойство больного и бредъ примѣтно уменьшились — пульсъ сдѣлался покойнѣе и мѣстами поверхность тѣла была влажною. Въ этомъ состояніи я его оставилъ, надѣясь въ субботу найти въ немъ добрую перемѣну. Октября 2-го въ 10 часовъ я нашелъ И. И. совсѣмъ одѣтымъ въ креслахъ. Увидѣвъ меня, онъ всталъ, обнялъ меня съ слезами на глазахъ и обратилъ вниманіе на мои сѣдины, дивясь, что я скоро посѣдѣлъ. Разсказалъ мнѣ, что онъ съ осьми часовъ одѣтъ, уже принималъ у себя гостей [2]). Разсказалъ мнѣ, что онъ ничего не помнитъ изъ случившагося съ нимъ; что онъ помнитъ только то, что, смотря на посадку деревьевъ, онъ вдругъ почувствовалъ сильную дрожь, но что онъ теперь чувствуетъ себя хорошо, исключая боли въ животѣ и сильной жажды. Вскорѣ за мною

---

1) Т. е. уже съ пятницы на субботу. *К. Г.*

2) Въ томъ числѣ вѣроятно и М. П. Погодина; см. его 1-ое письмо къ М. А. Дмитріеву. *К. Г.*

пріѣхала къ нему сосѣдка его съ своимъ семействомъ, и онъ всѣхъ привѣтствовалъ, со всѣми говорилъ, и даже вздумалъ просить съ собою пить чай; но онъ не могъ выпить чашки; чай ему казался невкуснымъ. Вмѣсто чаю выпилъ чаю мелисы. Въ продолженіе сего времени боль, сопровождаемая колотьемъ, и жажда чувствительно увеличивались. Въ первомъ часу я его оставилъ, не дождавшись того доктора, который имѣлъ его на попеченіи своемъ [1]. Безъ четверти въ три часа я снова заѣхалъ навѣстить И. И. и нашелъ его въ томъ же положеніи. Въ отсутствіи моемъ былъ его докторъ, перемѣнилъ лѣкарство и разослалъ приглашеніе къ консультаціи въ 5 часовъ вечера. Побывши нѣсколько времени, я оставилъ съ тою же болью и съ тою же жаждою И. И. По пріѣздѣ моемъ на вечернюю консультацію, И. И. боролся съ той же болью, обнаруживающейся по временамъ колотьемъ въ лѣвой сторонѣ желудка: но онъ ходилъ, сидѣлъ, а не могъ лежать по причинѣ боли. Собравшимся докторамъ для консиліума онъ самъ, сидя, разсказывалъ, какъ онъ возвратился съ сильною дрожью со двора, какъ его привели; но что̀ потомъ было, онъ ничего не помнитъ, что въ настоящее время онъ чувствуетъ боль съ колотьемъ, по временамъ обнаруживающуюся въ лѣвой сторонѣ, и сильную жажду, и, смѣясь, прибавилъ, что онъ желалъ бы хоть полкружки сливокъ, что было бы хорошо, кажется, отъ жажды. Разговоръ его продолжался съ полчаса, въ которые онъ хотѣлъ говорить и говорилъ много. Это повидимому его утомило. Спустя часъ послѣ сего онъ началъ жаловаться на усталость, потомъ пожелалъ лечь. Сначала онъ не могъ долго лежать; но потомъ часу въ осьмомъ онъ уже лежалъ покойнѣе, распростершись, и этотъ покой предвѣщалъ уже близкую съ нимъ разлуку. Въ девятомъ часу обнаружилась забывчивость. Боль чувствуема имъ была только при давленіи по положенію лѣвой стороны желудка. Появился тихій бредъ. Состояніе пульса предвѣщало къ полночи переломъ болѣзни: онъ и

---

1) Докторъ Ѳ. П. Гаазъ. *К. Г.*

былъ. Съ 12 часовъ ночи, по словамъ слугъ, находившихся при немъ безотлучно, у Ивана Ивановича уже не было бреда. Въ 8 часовъ утра въ воскресеніе 3 октября я ужаснулся, взглянувъ на И. И., уже полужизненнаго. Все предвѣщало скорую разлуку съ нимъ. Онъ дышалъ уже съ хрипѣніемъ, взоръ его былъ полузакрытъ, сонъ безчувственъ, жилобіеніе предсмертное, но теплота еще сохранялась во всемъ тѣлѣ. Въ 10 часовъ снова собрался консиліумъ, но разсужденіе его было кратко. Тогда призванъ былъ священникъ.

Тихи были послѣдніе часы жизни И. Ивановича. Тиха была кончина его, но тяжело даже воспоминаніе объ ней для того, о которомъ онъ безкорыстно, по одному только чувству своего сердца, заботился, какъ о близкомъ родномъ въ продолженіе 12 лѣтъ.

Читали ли вы въ журналѣ, нѣкогда мною издаваемомъ, статью: *Анатомическій театръ* изъ Мерсье. Это переводъ Ивана Ивановича [1]). Когда, по кончинѣ его, стали одѣвать его, я вспомнилъ о сей статьѣ, напечатанной въ концѣ 1828 года. Смерть нимало не измѣнила Ивана Ивановича: онъ сохранилъ свою осанку. Одно, что меня въ особенности поразило: во время похоронъ погода была самая суровая; но едва процессія достигла до улицы, ведущей прямо къ Донскому монастырю,—небо прояснилось и солнце во всемъ блескѣ озарило процессію. День сдѣлался прекраснымъ. Такое небо, такое солнце, — такую погоду любилъ незабвенный И. И. Дмитріевъ.

Проѣзжая мимо его дома, садъ безъ листьевъ, газоны безъ зелени невольно напоминаютъ отсутствіе хозяина. Оживится ли этотъ садъ?...

---

1) Этотъ переводъ статьи изъ сочиненій извѣстнаго французск. писателя Мерсье (L. Séb. Mercier, † 1814) подъ заглавіемъ «*Анатомическій амфитеатръ*» (поэтизированное изображеніе вскрытія человѣч. тѣла) помѣщенъ въ «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ и медицины», издававш. А. Іовскимъ въ 1828—31 гг., см. годъ 1828, дек., стр. 417—428. Переводъ не подписанъ, и безъ этого случайнаго указанія мы бы вѣроятно не узнали о его принадлежности перу знаменитаго нашего поэта. *К. Г.*

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть навсегда

Милостивѣйшаго Государя

Покорнѣйшій слуга

Александръ Іовскій.

26 октября
1837.

---

5. Повѣреннаго кн. Вяземскаго Д. Муромцова.

Ваше Сіятельство

Милостивый Государь

Князь Петръ Андреевичъ!

Я имѣлъ честь получить предписанія ваши 1-ое отъ 6-го, другое—9-го октября сего года. На первое послѣ донесу, переговоря съ купцомъ Веретейниковымъ объ фабрикѣ.

Объ смерти Ивана Ивановича Д. свѣдѣніе, отобранное (отъ) его камердинера Николая при семъ прилагаю записанное сыномъ моимъ. Я самъ, пріѣхавши изъ Остафьева 6-го октября въ среду, узнавши о кончинѣ Ивана Иван., тотчасъ пошелъ къ нему въ домъ, гдѣ онъ лежалъ на катафалкѣ подъ балдахиной бархатной и покровъ парчевой самой лучшей, я поклонился его тѣлу. Лицо его распухло и глаза на выкатѣ и запахъ былъ небольшой. Шея подвязана до носу съ духами; около катафалка въ залѣ было обито черной фланелью. Свѣчи горѣли большія и псалтырь читали. Много людей смотрѣли всякаго сословія, а въ четвергъ его вынесли въ церковь приходскую Спиридонія. При выносѣ были князь Дмитрій Влад. Голицынъ и другіе сенаторы и господа знакомые. Отпѣвалъ митрополитъ и 2 архимандрита и священн.; сенатскіе курьеры и полицейскіе были въ провожаніи до монастыря Донскаго и большое стеченіе народу было изъ любопытія—по великолѣпію похоронъ. Я слышалъ, имъ самимъ описана его жизнь съ измалѣтства подробно, а теперь всѣ комнаты съ кабинетомъ запечатаны.

Завтра я ѣду въ Остафьево, привезу портретъ Дмитріева съ бюстомъ бронзовымъ, уложа хорошенько доставлю вамъ въ цѣлости.

Я съ семействомъ приношу благодарность наичувствительную вашему сіятельству, что вы берете участіе о сынѣ моемъ, который послѣдній курсъ четвертый слушаетъ физико-математическаго отдѣленія. Еще сынъ не располагаетъ собой до окончаній наукъ [1])...

....

Имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностью навсегда

Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя
Покорнѣйшій слуга
Демидъ Муромцовъ.

13 окт.
1837-го года.

Показаніе со словъ комердинера Николая.

Иванъ Ивановичь Дмитріевъ въ четвертокъ 30 сентября до обѣда былъ здоровъ, писалъ письма къ вамъ, своимъ сестрамъ, племянникамъ и племянницѣ, диктовалъ человѣку письмо къ какому-то Франку, въ которомъ на поздравленіе со днемъ ангела отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ еще шагъ къ гробу; за столомъ кушалъ жаренаго поросенка съ солеными огурцами, и вскорѣ почувствовавъ сильную жажду, выпилъ стаканъ холодной воды; потомъ спросилъ шоколаду, но выпилъ не болѣе полчашки, надѣлъ шубу и выпивъ еще стаканъ воды, пошелъ въ садъ (въ которомъ сажали тополи), посадилъ самъ одну тополь, и, почувствовавъ холодъ, возвратился, сильно дрожа всѣмъ тѣломъ. Въ

1) Нижеслѣдующее показаніе со словъ комердинера Николая, вѣроятно, и записалъ этотъ студентъ. Остальное въ письмѣ опускаемъ, какъ сообщенія вполнѣ частнаго, хозяйственнаго характера и къ дѣлу не относящіяся.

К. Г.

тотъ же часъ послалъ за докторомъ Гасомъ (Гаазомъ), почувствовалъ ужасную боль въ лѣвомъ боку, пришелъ въ безпамятство и въ бреду заботился о разсадкѣ тополей. Ему поставили шпанскія мухи и до 70 піявокъ къ вискамъ и груди, но при всемъ этомъ онъ былъ въ безпамятствѣ съ вечера 30 сент. до 10 ч. утра 2-го октября. Въ продолженіе этого времени, кромѣ д-ра Гааза былъ при немъ д-ръ Іовскій. Освободясь отъ бреда, онъ одѣлся, безпрестанно переходилъ съ одного мѣста на другое, говорилъ дд. Гаазу и Іовскому, что «у него въ груди антоновъ огонь, и что проживши столько лѣтъ, пора умереть», но просилъ, если можно, помочь ему. Въ это время часто были у него: Михаилъ Михайловичъ Дмитріевъ [1]), кн. Шаликовъ, Солнцевъ [2]), Авдотья Николаевна Сѣверина, Анисья Өедоровна Вельяминова и г-жа Ковалинская; имъ онъ разсказывалъ начало своей болѣзни, приписывая его жирному жаркому.—На консиліумѣ были доктора Гаазъ, Іовскій, Шнаубертъ и Высоцкій. Въ 10 часовъ вечера со 2 на 3 число октября онъ снова впалъ въ сильный бредъ, безпрестанно требовалъ картъ, и взглянувъ на одну изъ нихъ, спрашивалъ ея названіе; велѣлъ затопить каминъ и сидѣлъ передъ нимъ въ шубѣ. Камердинеръ, тершій его мазью, замѣтилъ множество черныхъ пятенъ на его тѣлѣ, и чрезвычайный жаръ въ груди. Утромъ 3-го числа, на совѣтъ камердинера позвать священника, изъявилъ согласіе, но вскорѣ лишился употребленія языка, и только по настоянію сенаторовъ Яковлева [3]) и Жихарева [4]), былъ исповѣданъ и причащенъ Св. Тайнъ. Въ 35 минутъ 5-таго пополудни скончался въ присутствіи г-жи Ковалинской и своихъ людей; всѣ прочіе, по причинѣ обѣденной поры, уѣхали домой. Распорядителемъ похоронъ былъ Г. Бого-

---

1) Племянникъ его, Миша, сынъ М. А. Дмитріева (отъ перваго брака), учившійся въ пансіонѣ у Погодина; см. Ж. и Т. Погодина, кн. V, стр. 119. О немъ выше въ письмѣ Булгакова. *К. Г.*

2) Извѣстный живописецъ-археологъ Ө. Г. Солнцевъ. († 1891). *К. Г.*

3) Левъ Алексѣевичъ. *К. Г.*

4) Степанъ Петровичъ, авторъ «Записокъ». *К. Г.*

любовь; при нихъ были митрополитъ Филаретъ, кн. Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ и множество зрителей.

Похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

Заключающееся въ сообщаемыхъ здѣсь письмахъ печальное повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ и минутахъ И. И. Дмитріева довольно точно повторяетъ, подтверждаетъ и кое въ чемъ дополняетъ разсказъ М. П. Погодина въ извѣстныхъ его письмахъ. Многія черты и подробности (особенно въ письмѣ д-ра Іовскаго), нынѣ становящіяся достояніемъ исторіи, бросаютъ болѣе яркій свѣтъ и на послѣднюю болѣзнь поэта и на причину быстраго рокового ея исхода. Позволительно думать, что—и по тогдашнему состоянію медицинской науки—далеко не все, а можетъ быть, и не то было сдѣлано для сохраненія драгоцѣнной жизни еще не дряхлаго и по природѣ крѣпкаго старца-поэта. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе производятъ эти сообщенія на обыкновеннаго читателя. Интересно бы было услышать отзывъ болѣе компетентнаго судьи-медика.

К. Гротъ.